

ТОМ ФЛЕТЧЕР

СНЕГОЗАВР

Волшебная зимняя сказка

Том Флетчер
Снегозавр

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Флетчер Т.

Снегозавр / Т. Флетчер — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-101112-3

«Снегозавр» — это увлекательная и волшебная история, одна из тех, что случаются только под Рождество. Забудьте все, что вы знали о Северном Полюсе! Вас ждут увлекательные приключения с Ульямом Трандлом, которому только что исполнилось восемь лет, и его удивительным новым другом. А еще в этой истории есть Санта-Клаус (настоящий!), эльфы, ужасный Охотник, летающие олени, северное сияние, потрясающие иллюстрации и много-много волшебства.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101112-3

© Флетчер Т., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	10
Глава первая	15
Глава вторая	23
Глава третья	29
Глава четвертая	34
Глава пятая	40
Глава шестая	44
Глава седьмая	49
Глава восьмая Уильям на колесах	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Том Флетчер Снегозавр

Tom Fletcher
The Christmasaurus

Illustrations by Shane Devries

First published by Puffin, an imprint of Penguin Random House Children's Publishers UK

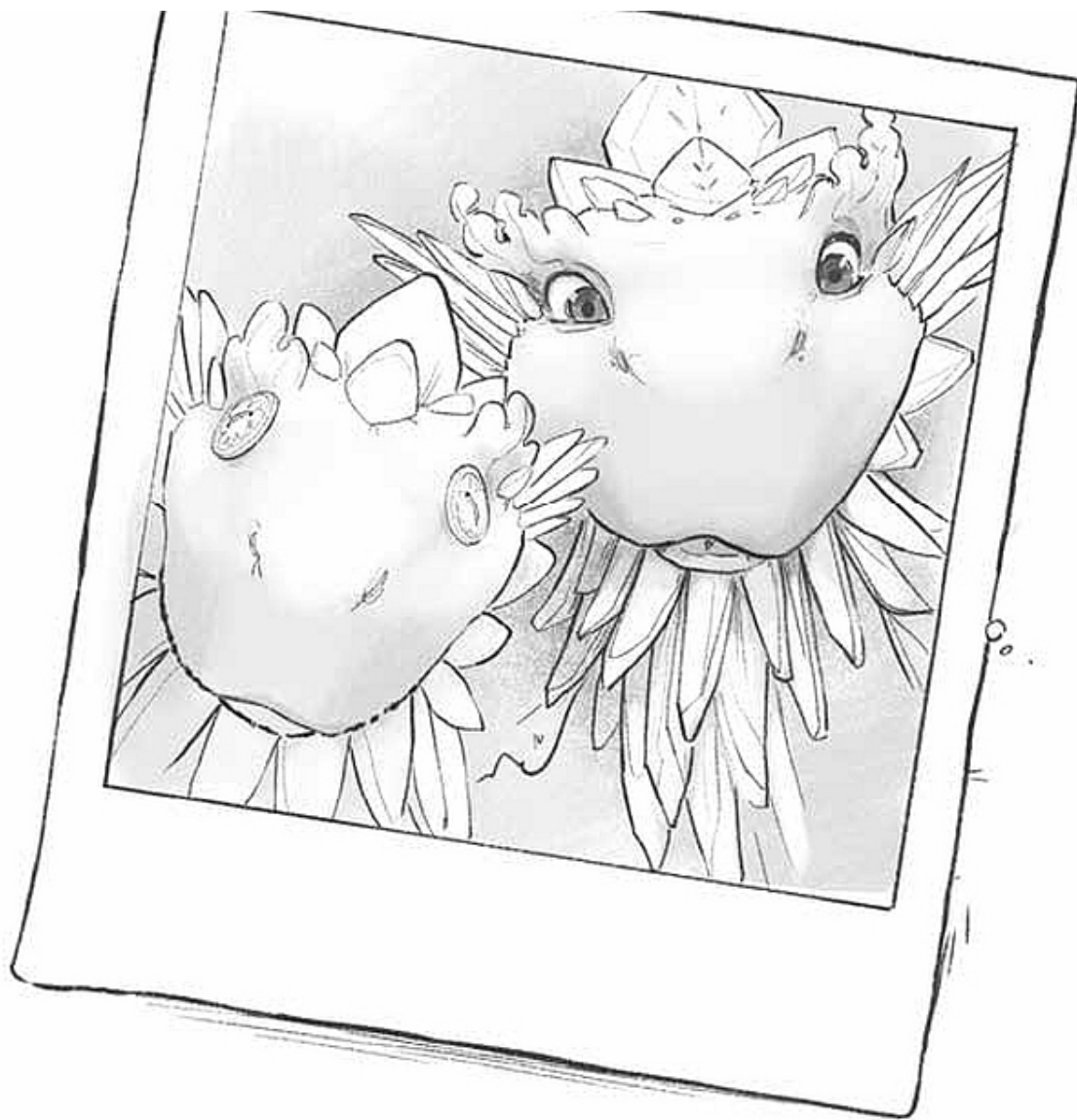
*Печатается с разрешения издательства Random House Children's Publishers UK,
a division of The Random House Group Limited*

Copyright © Tom Fletcher, 2016

© Ю. Змеева, перевод на русский язык

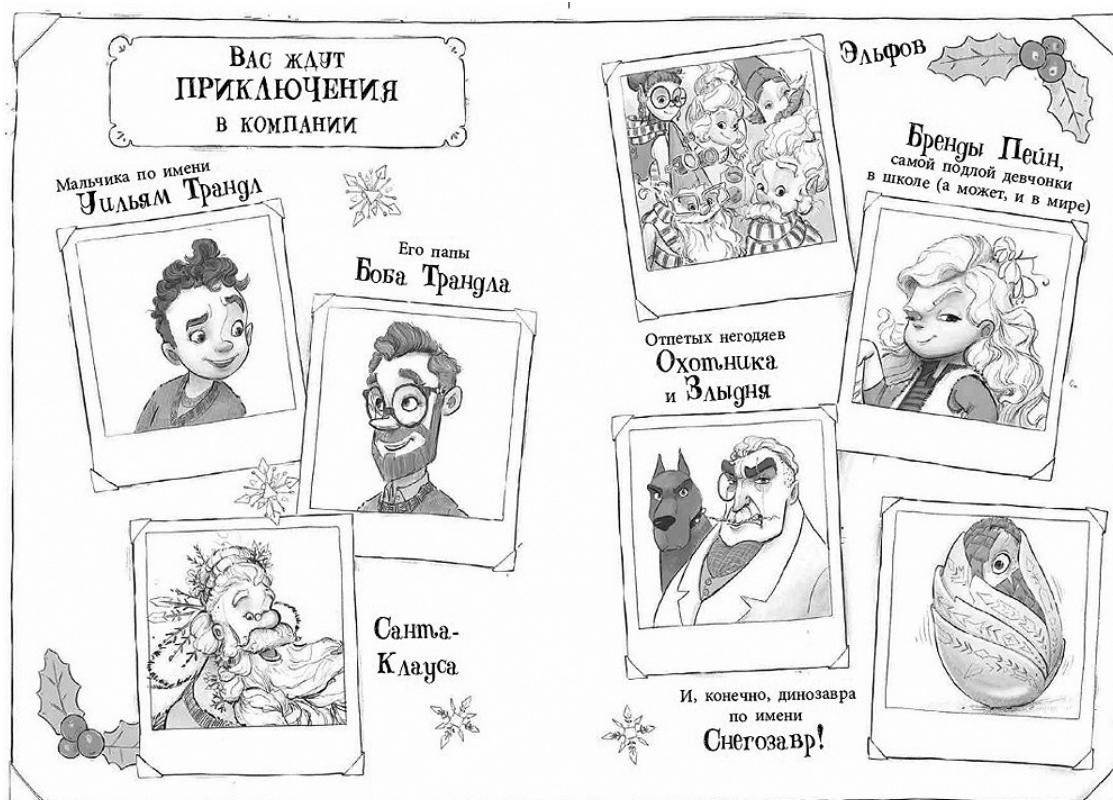
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Посвящается Баззу и Бадди.
С Рождеством, мои маленькие эльфы!*

Об авторе

Том Флетчер вылупился из яйца, которое нашли в снегах на Северном полюсе. Сначала он сочинял песни и выступал со своей группой McFly, а потом стал сочинять рассказы. Он придумал знаменитую серию книг *Dinosaur That Pooped* («Какающий динозавр»), разошедшихся по всему миру тиражом более миллиона экземпляров.

В книге «Снегозавр» соединилась любовь Тома Флетчера к динозаврам и к Рождеству. Это его дебютный роман для юных читателей. Рекомендуется читать, закусывая гренками.

Приятного чтения!

Том Флетчер в интернете:

Facebook: *OfficialTomFletcher*

Twitter: *@TomFletcher*

Instagram: *@TomFletcher*

YouTube: www.youtube.com/TomFletcher

Snapchat: *TomFletcherSnap*

Пролог Гибель динозавров

Эта история – как и все хорошие истории – началась давным-давно. И не просто давным-давно, а давным-давным-предавным-давно. Зиллионы и квиллиарды лет тому назад. Тогда еще даже твоих бабушки с дедушкой на свете не было. Тогда и людей-то еще не существовало! Это случилось до того, как появились машины и аэропланы, а интернета и подавно не было. Впрочем, тогда на Земле было кое-что получше интернета...

ДИНОЗАВРЫ!

Ах, динозавры! Самые удивительные создания, когда-либо бродившие по нашей планете! Их было не счесть – самых разных размеров и цветов. Маленькие вырастали не больше наших собак и кошек, у некоторых на спине торчали острые колючие шипы. Другие были просто огромными – например, сейсмозавры. Длиннее пяти двухэтажных автобусов, выстроившихся один за другим; с толстыми, как дубы, шеями и кожей, твердой, как жесткая резина! Ты наверняка не веришь мне, но не сомневайся: всё это правда, ведь ты читаешь об этом в книге. А книги не врут.

Но я расскажу тебе о двух совершенно особенных динозаврах. Мы будем звать их Мамазавр и Паплодок (на самом деле их звали иначе, а эти дурацкие имена я просто придумал).

Пробродив целый день под жаркими лучами доисторического солнца, Мамазавр и Паплодок возвращались домой, в свое уютное маленькое гнездышко. Однако, дойдя до места, где оно находилось, они обнаружили нечто ужасное: большую кучу камней, костей и пыли! Их жилище разорили свирепые хищные динозавры! Коварные, злые хапуги!

Но Мамазавра и Паплодока устроенный налетчиками беспорядок беспокоил меньше всего. Хуже было другое: в гнезде лежало самое драгоценное, что только у них было – двенадцать яиц с маленькими детенышами внутри. И теперь эти яйца пропали!

Как ты, наверное, можешь себе представить, Мамазавр и Паплодок обезумели от горя. Стоя на руинах гнезда, они долго рыдали и плакали. Но вот солнце село, и небо над джунглями усыпали звезды.

В ту ночь кроны высоких деревьев раскачивал легкий ветерок, и тоненький лучик света, пробившись сквозь заросли, озарял кучу костей и грязи. Вдруг Паплодок заметил, что лучик будто указывает ему на что-то гладкое и блестящее... Быстро и осторожно Паплодок разгреб мусор и увидел сияющее при луне, без единой трещинки и пятнышка... их последнее

яйцо.

Как оно уцелело, остается загадкой. Возможно, к тому моменту голодные варвары уже наелись, или же одно из яиц откатилось в сторону, пока хищники крушили и уничтожали другие одиннадцать штук. Как бы то ни было, одно яйцо осталось нетронутым. И малютка-динозавр, свернувшийся калачиком внутри, стал для них самой большой ценностью. Теперь-то они не допустят, чтобы с ним случилось что-то плохое...

Но что-то плохое как раз должно было случиться с минуты на минуту. То, что навсегда изменило мир.

Что-то

грандиозно

Что-то

КОСМИЧЕСКОЕ, МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОЕ МЕТЕОРИТ КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ

Жемчужно-белый лунный свет, заливавший разгромленное гнездо, внезапно пожелтел. Потом стал оранжевым и, наконец, огненно-красным. Не веря своим глазам, Мамазавр и Паплодок подняли головы к небу. Неужели луна загорелась?

Но тут бескрайнее небо запылало фейерверком шипящих раскаленных камней и падающих звезд. Вот только это были не такие падающие звезды, которые мы с тобой привыкли видеть – не те, что живописно проносятся по небосводу и гаснут, оставляя за собой тонкие полосы света... Нет, эти звезды не гасли: они врезались в землю раскаленными молниями и взрывались тысячами огненных шаров!

Хаос поглотил джунгли, началась паника. Гигантские динозавры, размером с пять двухэтажных автобусов, вырывали пылающие деревья с корнем. Динозавры поменьше попадали под ноги крупным зверям. Ночное небо сияло ярче, чем в полдень, луна раскалилась жарче летнего солнца. Но Мамазавр и Паплодок думали только об одном:

Как защитить яйцо!

Они должны сохранить его во что бы то ни стало!

И они побежали. Прикрывая яйцо своими большими телами, они бежали так быстро, как только могли. Они влились в поток испуганных ящеров, которые пытались спастись от беды, но как бы быстро и долго они ни бежали, спасения не было. Разве можно убежать от неба?

Огромная толпа подхватила Мамазавра и Паплодока. Их швыряло то в одну, то в другую сторону. И несмотря на все старания, в какой-то момент они просто не сумели удержать яйцо.

Оно выскользнуло и упало на землю.

Ты, наверное, думаешь, что его тут же раздавили? Но представь себе – нет! Этого не случилось!

Яйцо приземлилось на груду листьев и не разбилось, а покатилося под ноги бегущим ящерам. Те пинали его туда-сюда, но оно даже не треснуло! Мамазавр и Паплодок пытались

поймать яйцо, катавшееся между гигантскими лапами диплодока и слоновьими копытами стегозабра. Их самих пару раз чуть не задавили. А яйцо всё катилось и катилось, как будто у него была какая-то цель; оно падало со скалистых уступов на кроны деревьев, скользило вниз вместе с глинистыми оползнями, а Мамазавр и Паплодок безуспешно пытались его догнать.

Если бы в тот момент Мамазавр и Паплодок смотрели не себе под ноги, а на небо, их взору предстало бы ужасающее, чудовищное зрелище, от которого сердце замирало в груди. Небо над ними пылало. То, что они поначалу приняли за огненную луну, оказалось метеоритом. Колоссальный, невообразимых размеров, он мог раздавить целую планету!

Он прилетел из глубин космоса и грозил с минуты на минуту врезаться в Землю, навсегда стерев динозавров с лица земли.

Но буквально за мгновение до того, как гигантский метеорит обрушился на Землю, яйцо подкатилось к краю высокой скалы, нависшей прямо над бурными водами океана. Мамазавру и Паплодку оставалось лишь беспомощно смотреть ему вслед, думая о крошке-динозаврике, до поры скрытому под скорлупой. Яйцо как ни в чем не бывало скатилось с утеса и исчезло из виду.

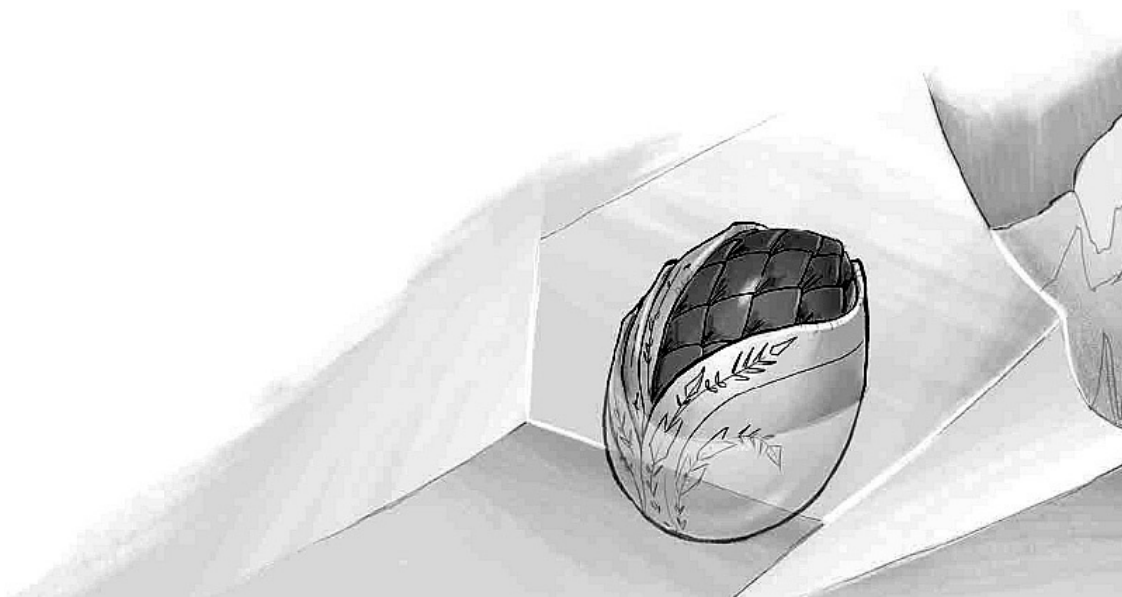
Пропало навсегда.

Оно упало вниз, чудом не задев острые выступы – вот уж, правда, везучее яйцо! – и плюхнулось в океан, словно камушек в пруд. И утонуло, скрывшись в темных водах, пока весь мир наверху пылал. Оно долго погружалось и наконец нашло пристанище на мягком песке, в укромном месте на дне океана. Сушу безжалостно поливал метеоритный дождь, который уничтожил всех динозавров.

Кроме одного.

Того, что укрылся внутри яйца и спокойно спал на дне океана.

Потом планета замерзла. Наступил ледниковый период, который продлился несколько тысяч лет. А яйцо так и лежало под глубоким льдом, в ожидании того дня, когда его наконец обнаружат...

Глава первая

Уильям Трандл

Знакомьтесь – Уильям Трандл.

Главное, что нужно знать о маленьком Уильяме: он любит динозавров. Точнее, не просто любит. Он обожает динозавров. Обожает до такой степени, что лучше я напишу это заглавными буквами:

УИЛЬЯМ ОБОЖАЕТ ДИНОЗАВРОВ!

У УИЛЬЯМА БЫЛА... о, простите. У Уильяма была пижама с динозавами, носки с динозавами, штанишки с динозавами, зубная щетка в виде динозавра, обои с рисунком из динозавров, два постера с динозавами, лампа с динозавами, а уж игрушечных динозавров столько, что они не поместились бы даже в большой рюкзак. Если Уильям в чем и был уверен, так это в том, что динозавров много не бывает!

Кособокий домишко Уильяма стоял на краю шумного квартала, а тот в свою очередь находился на краю еще более шумного города. Домик был совсем маленький, но его обитатели этого не замечали. Ведь их было всего двое: Уильям и его папа, Боб Трандл.

Тебе, наверное, интересно, почему у Уильяма не было мамы. Что ж, мама у него, конечно, когда-то была, но, увы, она умерла, когда Уильям был еще совсем крошкой. Сколько Уильям себя помнил, они с папой всегда жили вдвоем.

Маленький Уильям любил не только динозавров, но и рождество. Однако его любовь к этому празднику не могла даже близко сравниться с теми чувствами, которые питал к Рождеству его отец!

Мистер Трандл до того любил Рождество, что, когда праздничные дни заканчивались, мог безутешно рыдать целую неделю. А бывало, что и месяц. Он пытался всеми силами удерживать Рождество. У него даже была припрятана в шкафу рождественская елка. Она весь год стояла наряженной, и когда мистер Трандл открывал ящик с носками, на ней вспыхивала гирлянда. Каждое утро он одевался, смотрел на зеленую красавицу и повторял про себя: «Чем больше дней прошло с предыдущего Рождества, тем меньше осталось до следующего». Только это его весь год и утешало.

В то утро, когда **ПРИКЛЮЧИЛОСЬ ТО, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ**, мистер Трандл пребывал в приподнятом настроении. А всё потому, что наступило первое декабря.

– Уиллипус, собирайся в школу! – позвал мистер Трандл из кухни. Там он намазывал маслом горячие оладьи (его любимый завтрак).

Уильям закатил глаза, услышав, что папа опять назвал его этим дурацким прозвищем. Подумать только – *Уиллипус*!

– Пап, не называй меня так! Мне ведь уже почти восемь лет! – крикнул Уильям из своей комнаты, запихивая в рюкзак учебники.

– Но мы, кажется, договаривались, что тебя можно называть Уиллипусом, когда ты не в школе? Нельзя вот так менять уговор, Уиллипус! – поддразнил сына мистер Трандл, заходя в комнату. – С первым декабрем!

С сияющей улыбкой он водрузил на письменный стол поднос с завтраком и восторженно указал на продолговатую коробочку рядом с тарелкой золотистых оладий. Уильям увидел адвент-календарь с маленькими шоколадками.

– Спасибо, пап! А твой где? – спросил Уильям. Каждый год они с отцом заводили новый календарь, и утром перед школой вместе открывали очередное картонное окошечко. Такая уж была у них традиция.

Уильяму показалось, что в глазах мистера Трандла промелькнула печаль. Впрочем, он тут же улыбнулся.

– А я решил: пусть в этом году будет один на двоих, а? – В последнее время у них всё было одно на двоих: с деньгами стало туговато. Но Уильям не возражал.

– Ладно, пап! – ответил он. – Я открою окошко, а ты можешь съесть первую конфету.

– Давай, лучше я открою окошко, а первую конфету съешь ты! – предложил мистер Трандл.

– Спасибо! – ответил Уильям. Втайне он надеялся, что папа именно это и предложит.

– Скажи «сыр»! – мистер Трандл сфотографировал их вдвоем. – Ах, какие замечательные получатся в этом году открытки!

Еще одна семейная традиция Трандлов: каждый год первого декабря фотографироваться вместе, а потом печатать открытки и рассылать их всем дальним родственникам. Тете Ким с острова Уайт, прабабушке Джоан, похожей на ведьму, кузинам Лили и Джо, тетушке Джули, троюродному брату Сэму, дяде Х. Трандлу, прадедушке Кену... Список был длиннющий, и половину этих родственников Уильям в глаза не видел!

– Уильям, а ты уже придумал, что попросишь у Санты в этом году? Ведь скоро уже будет пора писать письмо, – сказал мистер Трандл, открывая первое окошечко шоколадного календаря. Уильям достал из ячейки маленькую шоколадку в виде снеговика, но аппетит у него вдруг пропал.

– Эй, что случилось? – спросил его мистер Трандл.

– Ну... просто... понимаешь, мне кажется, что в этом году Санта вряд ли сможет подарить мне то, что я хочу, – Уильям бросил печальный взгляд на стену, где висел постер с динозавром. – Я почти уверен, что эльфы не смогут смастерить настоящего динозавра.

– Смастерить? – глубокомысленно повторил мистер Трандл, делая глоток чая. – Вообще-то эльфы ничего не мастерят.

Уильям растерялся.

– Но... я думал, что эльфы Санта-Клауса сами делают подарки в своей мастерской на Северном полюсе, – сказал он.

– Что за детские сказки! – мистер Трандл от возмущения захлебнулся чаем. – Уильям, дорогой, это чушь! Глупые, никчемные, наивные рассказы! И тот, кто наплел тебе это, просто болван! Мастерят подарки? Ха! Хочешь, расскажу, как на самом деле всё устроено на Северном полюсе? – спросил мистер Трандл и глаза его вдруг загорелись.

– Да, пап, пожалуйста, расскажи! – воскликнул Уильям и уселся поудобнее. Ему всегда нравилось, когда папа рассказывал истории. В этом мистере Трандлу не было равных. Особенно хорошо у него выходили истории про Рождество, ведь, как ты уже знаешь, мистер Трандл обожал всё, что связано с этим праздником! Он знал всё, что только можно о Санте, эльфах и Северном полюсе. С самого детства рождественские каникулы были его любимыми и уж конечно, праздновать он всегда начинал первым. Однажды мистер Трандл нарядил елку в июле (соседи были очень недовольны). Уильям просто обожал эту историю!

– Во-первых, любому понятно, что у эльфов слишком маленькие ручки. Такими хорошую игрушку не смастеришь. К тому же, у них всего три пальца.

– Три пальца? Да ладно, пап! – Уильям неуклюже загнул два пальца, пытаясь представить, что их у него всего три. – А какого эльфы роста? – спросил он.

– Очень маленького, Уильям. Эльф – как человек, на которого смотришь в перевернутый бинокль, – пояснил мистер Трандл.

– Ух ты! – Уильям отлично знал, как выглядят люди в перевернутом бинокле.

– Игрушек они не делают, – продолжал мистер Трандл. – Эльфы с Северного полюса отлично умеют огородничать и копать. Итак, слушай, как у них всё устроено. Сначала Санта получает письма от девочек и мальчиков со всего света. От таких же детей, как ты, Уильям! Они пишут, что хотели бы получить на Рождество. Потом Санта садится в кресло-качалку у камина и читает все письма вслух. Не про себя, Уильям, а вслух!

Уильям кивнул, он слушал папу очень внимательно.

– Это очень важный момент, Уильям! Ведь в комнате, где Санта читает письма, стоит очень старая волшебная елка. Она вся кривая и сучковатая, и если бы ты ее увидел, то решил бы, что из горшка с землей просто торчит сухая ветка. Однако это самая первая рождественская елка на Земле! И она еще жива. Теперь она растет в горшке и слушает, как Санта читает письма.

– Елка слушает? Ты серьезно? – с удивлением спросил Уильям.

– Ну конечно! Все деревья слушают, Уильям. А ты думаешь, почему они всё время молчат? Потому что слушают, почему же еще! – заметил мистер Трандл. – Итак, Санта читает письма вслух, а на старой сучковатой волшебной елке тем временем вырастают пучки странных на вид бобовых стручков.

– Бобовых стручков? – воскликнул Уильям. – Что еще за бобовые стручки?

– Стручки с волшебными рождественскими бобами, Уильям. Санта собирает их и отдает эльфам-огородникам. Те варят их в котлах, стручки лопаются, и бобы выпрыгивают наружу! Бобы эти очень большие, в красно-белую полоску. И такие вкусные, что если съесть даже один, из глаз польется радуга, а сами глаза просто лопнут! Поэтому их ни в коем случае нельзя есть!

Уильям кивнул и постарался запомнить, что волшебные рождественские бобы не едят.

– Потом эльфы-огородники относят бобы на поля, засыпанные чистейшим снегом, и сажают глубоко в сугробы. А закончив, собираются и ждут особого сигнала. И пока ждут, поют песенку.

Мистер Трандл откашлялся и запел очень необычную песню, подражая голосу эльфа:

Я жду и жду сигнала,
Ледышкой на снегу.

Скорей, бобы, не спите!
Я больше не могу!
Замерз я, как сосулька!
Ну где же волшебство?
Бобы, не тормозите!
Уж скоро Рождество!

– Ого! – удивился Уильям. – Неужели эльфы действительно поют такую песню?

– Да, каждый год! – ответил мистер Трандл. – А потом, в определенный час и определенную минуту в небе над Северным полюсом вспыхивают необыкновенные танцующие огни.

– Северное сияние? – закричал Уильям. – Я видел по телевизору!

– Точно, сынок! Прекрасное северное сияние. Это и есть тот сигнал, которого ждут эльфы! И тогда наступает черед эльфов-копателей.

– А что они делают?

– Терпение, друг мой, – мистер Трандл весь сиял от предвкушения. – Они копают, коп-коп-копают, вскапывают снежные поля, пробиваясь сквозь ледяную корку толщиной с наш дом и прозрачную, как стекло! Но ищут они не золото и не бриллианты. Игрушки – вот их цель! Видишь ли, рождественские бобы в снегу прорастают, и их волшебные корни – громадные, извилистые, ужасно длинные – прорезают лед. Именно там, во льду, на замороженных корнях появляются игрушки для всех детей на свете. Они получаются из рождественских бобов с волшебной елки, которая внимательно слушала, что написано в письмах Санта-Клаусу, и поэтому знает, что и кому подарить! – завершил мистер Трандл.

– Вот это да! – ахнул Уильям.

– Да, Уильям, только представь себе это! Вот теперь ты знаешь, чем именно занимаются эльфы.

Теперь и вы знаете, чем именно занимаются эльфы (не сомневайтесь, это правда – ведь об этом написано в книге, а книги не врут).

Глава вторая

Яйцо во льдах

Тем временем – далеко-далеко, за тысячи километров от кособокого домика, в котором жил Уильям – с неба, затянутого густыми снежными тучами, падали снежинки. Это были самые большие снежинки в мире. Если бы ты высунул язык и поймал одну такую снежинку, тебе бы даже не нужно было ужинать: ты сразу бы почувствовал себя сытым! – такие они были большие и пушистые.

Эти снежинки отличались от обычных, потому что падали с неба на Северном полюсе. А на Северном полюсе всё не как обычно!

Снежинки падали на землю со звуком, который эхом разносился по окрестным горным склонам. Этот звук напоминал барабанный бой марширующего оркестра:

Бом! Бом! Бом!

Но тишину нарушал не только звук падающих снежинок. Стоило прислушаться повнимательнее, и можно было услышать доносившиеся из-под земли голоса. Они пели в такт бумканью падающих снежинок. Это были эльфы – те самые северные полярные эльфы, о которых мистер Трандл рассказывал Уильяму.

Они пели рабочую песенку эльфов-копателей, а слова в ней были примерно такие:

Копаем, копаем ночь напролет,
И утро, и день, и вечер пройдет,
А мы всё копаем, но ищем не клад,
Не место, где бриллианты лежат.

Мы ищем игрушки для славных детей,
Хороших детей, послушных детей,
Пусть пальцы отмерзли и нос посинел,
Копаем, копаем, таков наш удел!

Песенки вроде этой эльфы придумывают постоянно. Эльфы с Северного полюса вообще не разговаривают, как мы с вами! Они говорят только в рифму. Допустим, северному эльфу захотелось стакан свежего апельсинового сока. Думаете, он скажет: «Можно мне стаканчик сока, пожалуйста»? Ну уж нет! Эльф выдаст что-то вроде:

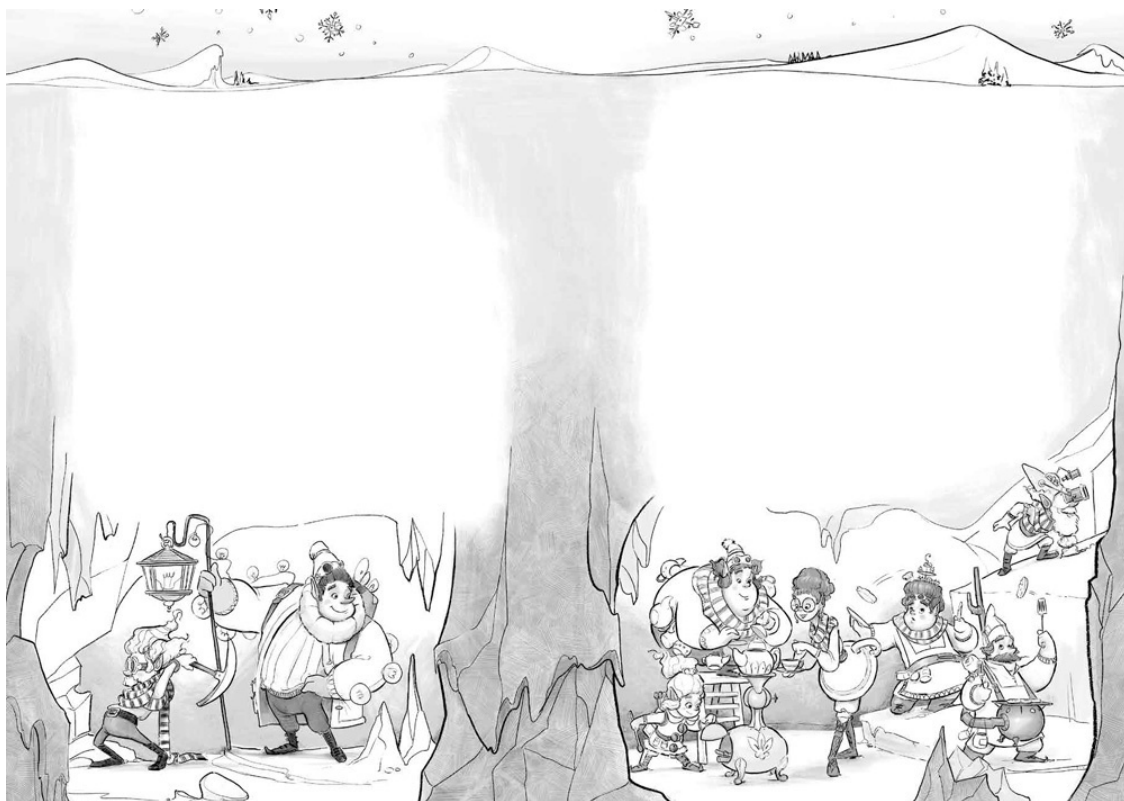
Из свежих апельсинов сок
Ты не нальешь ли мне, дружок?
Он слаще меда и конфет.
Питья вкуснее в мире нет!

А когда один эльф с Северного полюса хочет пожелать другому доброго утра, он говорит так:

С добрейшим утром, северный полярный брат!
Тебя увидеть вновь я очень рад.
Надеюсь, удача тебя не оставит
И счастья тебе это утро прибавит!

У эльфов есть подобные стихи и песенки на любой случай, и они постоянно выдумывают новые. Одни выходят лучше, другие хуже, некоторые – совсем ужасные, но эльфы всё равно их поют.

В этот морозный декабрьский день во льдах под снежными полями Северного полюса трудились восемь эльфов. Их звали Соня, Конопатый, Скорород, Сластена, Звездочетка, Щекастик, Снежок и Брокколи. Они были очень маленькие, как и рассказывал мистер Трандл, – не выше твоих колен – и наряды у них были самые необыкновенные. У кого платье из чайной чашки, у кого меховое пальто, увешанное электрическими лампочками, – то еще зрелище!

Каждый занимался своим делом.

Соня копал.

Конопатый держал фонарь, чтобы Соня видел, где копать.

Скороход разводил огонь.

Сластена кипятил чайник.

Звездочетка заваривала чай.

Щекастик поджаривал четыре булочки (по половинке каждому эльфу).

Снежок намазывал их маслом.

Брокколи следил за порядком.

Всё утро они копали, ели булочки и пили чай; и уже подумывали, не пойти ли пообедать (у северных полярных эльфов отменный аппетит и они всегда хотят есть).

– Булочки кончились! Ничего не осталось! – возмутился Брокколи. – Вы как хотите, а я хочу есть. Пора обедать!

Но Соня не слушал. Он стоял в конце длинного тоннеля, который уже два часа долбил лед.

Глубоко погружившись в свои мысли, он мурлыкал под нос вот такую коротенькую песенку:

Долблю я лед, копаю я снег,
И ночью и днем, уже целый век,
Чтобы довольный ребенок нашел
В праздник под елкой большое... ЯЙЦО?!

Эльфы хором ахнули. Щекастик даже уронил на снег свою половинку булочки, да еще маслом вниз!

– Не в рифму! – воскликнул встревоженный Снежок. Дело в том, что северные эльфы всегда говорят в рифму. Чтобы эльф не срифмовал стих – это большая редкость!

– Это правда или я в бреду? Что-то странное здесь, во льду! – закричал Соня, к которому вернулась способность рифмовать.

Семеро эльфов побросали чай с булочками у входа в тоннель и кинулись смотреть, что он нашел. Скореход поднял большой медный фонарь, подвешенный на длинной палке, так, чтобы тот освещал им путь. Ледяной тоннель озарился желто-голубым сиянием, и эльфы увидели то, что заставило их раскрыть рты, вытаращить глаза, и оторопеть.

Громадное замороженное яйцо!

Большинству наших эльфов было уже больше двухсот лет, и за свою жизнь на Северном полюсе они успели повидать немало всяких странностей. Но яйцо во льду? Это было что-то новенькое.

Эльфы начали перешептываться и совещаться (разумеется, в рифму). Каждый пытался получше разглядеть яйцо, наполовину вмерзшее в лед. Скорлупа у него была блестящая и очень красивая. Эльфы подошли ближе и устроили настоящий переполох. Между Слостеной и Соней даже разразился спор. Впрочем, нам со стороны он бы показался дуэтом двух тонкоголосых певцов. Вот о чем они спорили:

- Братцы, яйцо откопали мы с вами!
- Откуда оно? Какими судьбами?
- Не знаю! Но нужно его достать!
- А вдруг оно треснет? Зачем рисковать?
- А ты предлагаешь оставить во льду?

Можно и съесть! Сойдет за еду!
– Еду? Ты в уме ли? Совсем идиот!
Детеныш в яйце беззащитный живет!

Соня пропел последнюю строчку, и тут случилось нечто, заставившее эльфов подскочить на месте.

Яйцо вздрогнуло!

В тоннеле воцарилась полная тишина. Эльфы сбились в кучу и уставились на яйцо. Внутри него действительно кто-то был! И тогда они хором запели:

Яйцо откопаем, домой отнесем,
У печки согреем, и птенчика в нем!
Цыпленок ли там под скорлупкой сидит?
Иль птица другая? Каков ее вид?
Нам Санта подскажет, как быть нам потом.
Он мудрый, он знает, что делать с яйцом!

И вот все восемь эльфов принялись осторожно откапывать яйцо. Работа это была сложная и требующая большой сноровки – под силу лишь эльфам с Северного полюса. Если бы люди нашли это яйцо, то тут же раздавили бы всмятку! Но эльфы умеют копать аккуратно. В этом они непревзойденные мастера. Сладострастие растапливал самый неподатливый слой льда паром из чайника. Снежок осторожно снимал тончайшие пластинки льда вокруг яйца ножом, которым намазывал булочки маслом. Звездочетка сметала в сторону лишний снег, а Брокколи взволнованно прыгал вокруг и сочинял вдохновляющие песенки, помогая работе (при этом рот у него был набит булочками). И вот всего через пятнадцать минут и двадцать две секунды яйцо освободили ото льда!

Эльфы сняли свои мягкие теплые пальтишки и шарфы и укутали его. В высоту оно было с целого эльфа, и еще с двух эльфов толщиной, а уж весило как все восемь наших эльфов.

Тяжело им было нести его, но в чем эльфам нет равных, так это в умении слаженно действовать вместе. Сгрудившись в кучу, стигаясь под порывами ледяного ветра, несли они в замерзших руках яйцо. Подняли его из ледяной шахты, протащили по заснеженному полю и принесли наконец самому мудрому человеку, которого знали.

Единственному, кто мог сказать, как поступить с замерзшим яйцом, которое было найдено на Северном полюсе.

Санта-Клаусу!

Глава третья

Санта высиживает яйцо

Видели когда-нибудь дом больше школы? У Санты такой дом!

А видели дом больше замка? У Санты такой дом!

А дом больше Луны видели?

М-м-м... пожалуй, дом Санты всё же не больше Луны. Но не сомневайтесь, он просто

огромный!

Представьте самый большой и великолепный дом, который только можно вообразить. Представьте, что он построен из прочных толстых бревен. Добавьте три витые башенки, четыре высоченные дымовые трубы, из которых валит серебристый дым, и девяносто девять окон из разноцветного стекла (плюс еще одно с непрозрачным стеклом – там у Санты ванная).

А теперь представьте массивную парадную дверь из толстой крепкой сосны с сияющим дверным молоточком в форме снежинки из прочного небьющегося льда. Раньше к двери вела мощеная дорожка, но эльфы то и дело проваливались в промежутки между камнями, и тогда Санта сделал ровную подъездную дорожку для саней. Теперь эльфы подкатывают на своих маленьких саночках прямо к дверям.

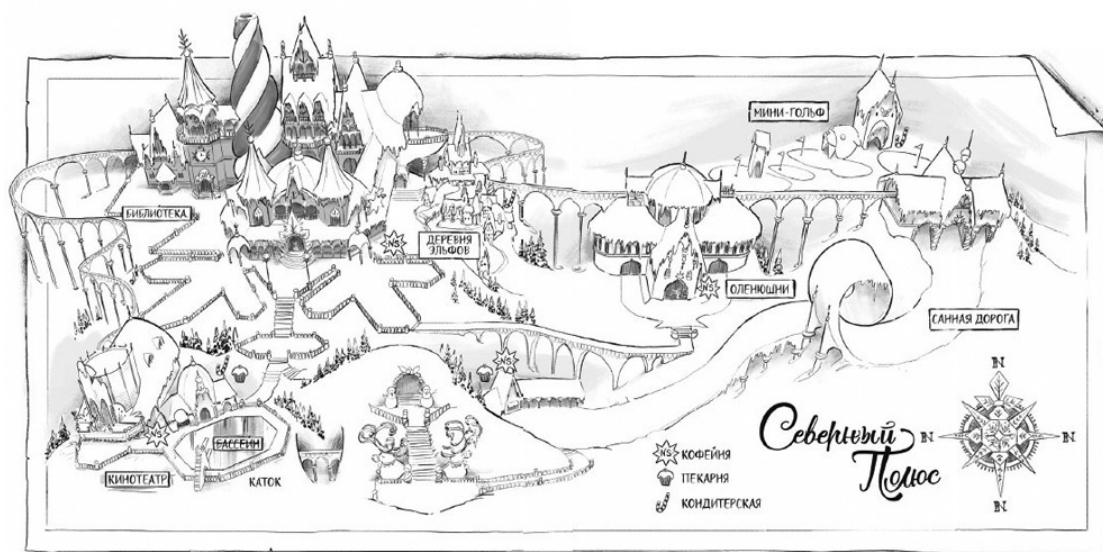
А по обе стороны от этой дорожки раскинулся сад, где растут заснеженные ели.

Это снежное ранчо.

Тут, в самой северной точке Земли, живет Санта-Клаус.

Соня и все остальные живут рядом – на другом конце дороги для саней находится деревня эльфов. Размером она с небольшую деревушку у нас на земле.

Это просто фантастическое место! Вот вам план деревушки, взгляните сами. Есть тут просторные оленюшни с высокими потолками (чтобы северные олени Санты могли летать). Есть поле для игры в мини-гольф с аттракционами на тему Рождества. Кинотеатр, где показывают лучшие рождественские фильмы. Библиотека с книгами про Рождество. Четыре кофейни, где подают лучший кофе на Северном полюсе. Каток (на самом деле это открытый бассейн Санта-Клауса, но он круглый год покрыт льдом). Эльфы обожают хорошо поесть – особенно всяких сладостей, – поэтому кондитерские и булочные тут в каждом втором доме, и повсюду пахнет карамелью и свежей выпечкой. И это еще далеко не всё, что тут есть!

Соня, Конопатый, Скороход, Сладстена, Звездочетка, Щекастик, Снежок и Брокколи ввалились на снежное ранчо Санта-Клауса через массивные деревянные двери. Осторожно ступая, согнувшись под весом замерзшего яйца, они прошли по коридору. И хором пропели:

Санта! Скорее!
Помочь ты нам должен!
Тащить этот груз
Мы больше не можем!

В ответ из другого конца коридора раздался грохот тяжелых сапог – **БУМ! БУМ!**

Внезапно шаги стихли и на минуту воцарилась тишина. А потом с потолка на цирковой трапедии спустился огромный здоровяк.

Это и был Санта-Клаус! Он любил появляться неожиданно.

Такого толстяка вы себе не можете даже вообразить! Попробуйте поставить рядом двух своих самых толстых родственников (сделайте это мысленно, тогда они ничего не узнают) и представьте, что это один человек! Получится Санта-Клаус. Да, вот такой он здоровенный! Не просто толстый, а **ТОЛСТЕННЫЙ!**

Несмотря на то, что Санта был толстым, как пятьдесят эльфов, он отличался поразительной ловкостью.

Например, бегал быстрее всех в северном полушарии.

А еще умел танцевать, встав на носочки, как балерина.

И абсолютно бесшумно делал сальто вперед и назад – как ниндзя, огромный пузатый ниндзя.

Как-то раз он прошел по канату от Северного полюса до Южного и даже проделал полпути обратно. Но потом он натер ногу, и пришлось вызывать сани.

Санта сделал три сальто назад, два кувырка вперед и остановился посреди большого коридора – всего в нескольких миллиметрах от нашей компании. Ярко-красный комбинезон плотно обтягивал его огромный живот. Санта принялся нетерпеливо прыгать, скакать и бегать вокруг эльфов на цыпочках, пытаясь разглядеть, что это они такое несут (яйцо по-прежнему было укутано их теплыми пальтишками).

– Как здорово! – восторженно воскликнул он. – Сущие чудеса. Отменно! Что за фантастическое зрелище. Какая прелесть! Как загадочно и таинственно. Таинственно и загадочно! О, восемь моих маленьких друзей, что это у вас там? Можно потрогать? А посмотреть? Минуточку... Я, конечно же, знаю, что это! Разгадка очевидна! Это... это... а что это, кстати?

Эльфы сняли укрывавшие яйцо куртки и пальто, и Санта увидел сияющую скорлупу.

– Хм-м-м, – с любопытством протянул Санта.

– Вот именно – хм-м-м! – ответили эльфы.

– Интересно, – шепнул Санта в свои белые пушистые закрученные усы.

– О-о-очень интересно, – повторили эльфы, надеясь, что Санта ответит им в рифму.

– Где вы его нашли, скажите честно? – Санта просиял оттого, что ему удалось подобрать рифму. Обычно у него не очень-то получалось рифмовать, разговаривая с эльфами, а их это очень расстраивало.

– Нашли его во льду! В прорытом нами ходу! – воскликнул Брокколи.

– Ого! – Санта вдруг всполошился. – Если яйцо лежало в ледяных копиях, значит, ему очень, очень много лет! Оно, наверное, даже старше меня, а мне пятьсот... нет, погодите, шестьсот пятьдесят... двадцать... Чтоб тебя! Забыл, сколько мне лет!

Эльфы переглянулись: отчасти взволнованно, потому что им хотелось поскорее разгадать загадку древнего замерзшего яйца, а отчасти недовольно, потому что Санта, кажется, больше не собирался говорить в рифму.

– Но что же нам делать с замерзшим яйцом? – спросил Скороход.

– Может, сварим его, да и дело с концом? – предложил Щекастик.

Но тут яйцо снова слегка вздрогнуло!

– Сварим? Слопаем? – возопил Санта. – Ах вы маленькие прожорливые негодяи! Разве можно? Ведь в яйце кто-то есть! Кто-то живой! Его нужно осторожно отогреть. Окружить заботой! Его нужно полюбить! Ему нужна мамочка, которая его высидит, как мама-наседка высиживает цыплят. – Он огляделся, словно ожидая увидеть в комнате гигантскую курицу, готовую немедленно приступить к высиживанию яйца.

– Но Санта, яйцо же без мамы осталось! Пусть кто-то другой посидит на нем малость! – воскликнул Соня.

– Святые колокольчики, Соня, ты прав! – ответил Санта. – Но чей зад достаточно велик, чтобы отогреть такое большое яйцо?

Тут эльфы запели песенку, которая звучала примерно так:

Греть булжник стылый
Эльфу не под силу.
Попа эльфа так мала!
Не дает она тепла.
Чтобы высидеть птенца,
Попа толстая нужна!
Попа толще, чем у эльфа,
Раза эдак в сорок два!

Допев песенку и станцевав свой танец, эльфы опустили на колени и простерли руки к Санте, глядя на него глазами, полными надежды.

– Я? – оторопел Санта. – Но я не могу сейчас высиживать яйца! Рождество на носу – столько всего еще нужно сделать! У меня планы... упаковка подарков... и всё такое... – Санта перечислял отговорки, но в глубине души понимал, что есть вещи, которые просто необходимо сделать в первую очередь. И он единственный, кому это под силу. Эльфы сами справятся с подготовкой к Рождеству. А ему ничего не остается, кроме как усесться на замерзшее яйцо и начать высиживать его!

Так он и поступил.

Глава четвертая

Внутри яйца

Санта высидивал яйцо день и ночь. Ему было очень неудобно (можете себе представить), но эльфы приносили ему на подносе завтрак, второй завтрак, легкий перекус в одиннадцать часов, потом обед, полдник, ужин и поздний ужин.

И каждый раз пели песенку. Они даже прикатали телевизор в чулан, в котором устроили инкубатор, чтобы Санта мог смотреть свои любимые рождественские фильмы (в которых сам же чаще всего был главным героем). Он смотрел кино, а яйцо тем временем медленно оттаивало.

Иногда оно вздрагивало, и чем дольше Санта сидел на нем, тем чаще это происходило. Санта знал, что это хороший знак!

Но времени оставалось совсем мало, приближалось Рождество.

– Ну, давай же, птенчик, кем бы ты ни был! Если не вылупишься к Рождеству, придется оставить тебя и улететь. Выбора у меня нет! Не хотелось бы тебя бросать, но дети во всем мире на меня рассчитывают. Это мой долг, понимаешь? – встревоженно прошептал Санта, когда часы пробили полночь, отмерив конец еще одного дня, в который птенец – или кто-то другой, кто сидел внутри яйца, – так и не вылупился.

Тогда у Санты возникла идея. Не пойдет ли дело быстрее, если в чулане станет жарче?

– Соня, а включи-ка отопление на полную! – велел он.

Через несколько часов на снежном ранчо стало жарко, как в сауне. Брокколи даже отрезал у брюк штанины и превратил их в шорты. Вскоре эльфы последовали его примеру, решив, что Брокколи выглядит очень модно, и впервые в истории на прилавке сувенирного магазинчика в деревне эльфов появились вязаные безрукавки вместо свитеров и кепки вместо толстых шерстяных шапок. Такой жары на снежном ранчо еще не бывало! Сам Санта-Клаус остался в полосатой майке и праздничных рождественских трусах – красных с белыми снежинками и, к тому же, музыкальных (когда их надеваешь, они играют рождественскую песенку). Он сильно вспотел, но был готов на любые жертвы, лишь бы птенец вылупился вовремя.

Всё это время Санта и эльфы гадали, кто же сидит в яйце. Кто-то сказал, что там внутри, наверное, выводок гигантских кроликов. Другие утверждали, что это яйцо огромного поляр-

ного медведя. Было высказано еще немало нелепых предположений, и ни одно не попало в точку.

Но ведь, в отличие от тебя, эльфы не знали начала этой истории. Ты-то небось уже догадался, что это яйцо было тем самым, с которого началось наше повествование? И, в отличие от Санты и эльфов, ты знаешь, кто в нем сидит...

Вскоре в адвент-календаре Санта-Клауса осталась всего одна шоколадная конфета. А это означало, что наступил канун праздника.

– Поторапливайся, яичко, времени совсем нет! – вздыхал Санта, похлопывая по гладкой скорлупе.

Все эльфы до единого и их родственники собрались в инкубаторе, чтобы поддержать Санту. Одни принесли свечи, другие притащили из дома маленькие электрические обогреватели. Рассевшись вокруг яйца, эльфы весь день пели рождественские гимны, призывая малыша поскорее вылупиться.

Через некоторое время Соня внимательно осмотрел яйцо, прощупав каждый сантиметр скорлупы. И повернулся к собравшимся с печальным выражением на вспотевшем лице.

– Боюсь, что на яйце ни одной трещинки.

Санта тяжело вздохнул. Он знал, что пора покинуть яйцо и начать готовиться к...

КРРРРРАК!

Вдруг раздался оглушительный треск. Эльфы взволнованно подскочили.

– А ну тихо! – шепотом велел Санта-Клаус и опустил ладонь на острый конец яйца. Провел рукой по блестящей гладкой скорлупе, которая отогрелась и уже не была ледяной. И вдруг замер. Он что-то почувствовал! Да, он нащупал ее – крошечную трещину в скорлупе!

– Сейчас вылупится! – воскликнул Санта.

Все замерли в ожидании чуда. Санта осторожно слез с яйца, встал рядом с эльфами и все они не сводили глаз с яйца.

Откуда-то послышался глухой рокот. Это был очень необычный звук, похожий на грохот приближающегося поезда или очень громкое урчание в животе у сильно проголодавшегося человека. Звук исходил из яйца. Санта и восемь эльфов, обнаруживших яйцо, взволнованно переглянулись.

Они выглядели напряженно-взбудораженными, а может, взбудораженно-напряженными – трудно было сказать наверняка.

Рокот усилился. Яйцо задрожало. Крошечная трещина расширилась и превратилась в глубокую темную расщелину, куда уже почти можно было заглянуть!

Эльфы крепко схватились за руки. Соня испуганно засопел.

А потом всё закончилось так же внезапно, как началось.

Рокот стих.

Дрожь прекратилась.

Никаких новых трещин не появлялось.

Наступила полная тишина.

Все в комнате замерли – но не Санта. Тот храбро шагнул вперед и заглянул в яйцо. Почти ничего не было видно, потому что внутри было очень темно... Но вот, кажется, что-то блеснуло... Санта пригляделся, и что-то блестящее вдруг... моргнуло!

– Глаз! – ахнул Санта.

Блестящий глаз приник к трещине и оглядел собравшихся.

Санта от неожиданности чуть не подскочил до самого потолка. Увидев это, эльфы тоже чуть не подскочили до самого потолка. Оправившись от испуга, Санта и эльфы нервно рассмеялись – надо же было так перепугаться!

Тут-то всё и произошло.

КррраК БуууууУМ!

Санта и эльфы едва успели пригнуться, когда яйцо взорвалось и разлетелось на миллиард сверкающих осколков, которые тут же превратились в блестящую пыль.

Санта медленно выпрямился и стряхнул блески сначала с бороды и усов, а потом с трусов. Протер стекла своих полукруглых очков, а когда снова нацепил их на нос, то просто не поверил глазам! Посреди комнаты, там, где всего несколько мгновений назад лежало яйцо, теперь находилось то, что никак не могло там находиться... Но ведь это Северный полюс, а на Северном полюсе возможно всё, что угодно!

— Что это? — воскликнули эльфы.

РраааААРР!

— раздалось в ответ.

– Батюшки! – Санта-Клаус утер слезу. – Да это же детеныш **ДИНОЗАВРА!**

Глава пятая

Рождественский динозавр

Эльфы подняли жуткий шум, засыпав Санту вопросами (естественно, в рифму):

- Это что ж за вид такой?
- Дикий он или ручной?
- Как его мы станем звать?
- Можно имя «Джинни» дать – если девочка?
- Ни-ни! Повнимательней взгляни!..
- Ой, да, точно, извини!

– Довольно! – воскликнул Санта, призывая расшумевшихся эльфов успокоиться. Ему и самому хотелось получше рассмотреть нового, только что вылупившегося члена их полярной семьи. Это действительно был мальчик (спасибо Соне, который подсказал остальным). Санта медленно обошел удивительное существо, сидевшее на полу. Динозаврик был совсем не похож на тех представителей своего вида, которых Санта видел в книжках или в музее.

Его чешуйчатая кожа казалась ярко-голубой. Она отражала свет и блестела так, что издали динозаврик был похож на великолепную статую из полупрозрачного льда. Но стоило Санте подойти ближе, и он увидел, что шкура динозавра переливается тысячами ярких оттенков, которые на спинке складываются в удивительный узор. Может быть, оттого, что яйцо долго пролежало во льдах – или просто по чистой случайности – этот узор напоминал большие симметричные снежинки, которые словно обсыпали его от макушки до самого кончика длинного хвоста, свернутого кольцом, как у огромной чешуйчатой кошки.

Динозаврик заморгал, и Санта понял, что он напуган. Тогда Санта протянул свою большую теплую ладонь к малышу и посмотрел ему в глаза. Динозаврик сразу перестал бояться. Это у Санты всегда получалось: стоило ему посмотреть на вас своими добрыми веселыми глазами, как тревоги и волнения таяли, будто сосульки на солнце.

Санта погладил динозавра по чешуйчатой головке и обрадованно воскликнул:

– Как вовремя ты вылупися! Счастливого Рождества! – Динозаврик улыбнулся и высунул язык. После того, как он провел миллионы лет в замерзшем яйце, ему повезло родиться в таком волшебном месте!

– Хм-м, но что же ты за динозавр? – задумался Санта, вычесывая скорлупу из бороды. – Соня! Сбегай в библиотеку и принеси энциклопедию.

– Так точно, ваше Веселейшество, сейчас... а-а-а! – Соня хотел было закончить фразу в рифму, но Санта быстро вытолкнул его из комнаты. Буквально через несколько секунд эльф вернулся, неся на голове увесистый том.

– Так-так, – Санта поправил на носу очки в медной оправе, взял энциклопедию и принялся ее листать. – Что тут у нас... абрикосовый джем... букашки... большие букашки... вата сахарная... гномы... ага! Вот и динозавры. – Он положил раскрытую энциклопедию на землю, чтобы эльфам было хорошо видно.

В книге было не меньше сотни картинок со всевозможными динозаврами. Чешуйчатые с рогами и рогатые с чешуйками, красные с когтями и голубые без когтей. С перьями, перепонками, плавниками и гладкой кожей; динозавры-хищники и травоядные динозавры... Но ни

одно из сотен описаний в книге даже отдаленно не напоминало детеныша, сидевшего перед Сантой и эльфами.

Тогда эльфы воскликнули:

– Его здесь нет! Нет, правда, честно! Это новый динозавр, совершенно неизвестный!

Тут пробили старые часы с кукушкой, в комнату вбежал Щекастик и торопливо пропел:

Сани загружены, ехать пора,
Подарков и сладостей ждет детвора!
Олени накормлены перед дорогой,
Сил для полета теперь у них много!
Скорее же, Санта! На сани – и к детям!
А мы тут присмотрим за маленьким этим!

– Да, мы уж о нем позаботимся! – пропели Звездочетка и Скороход, хоть и не в рифму, зато громко и хором.

Остальные эльфы из восьмерки, нашедшей яйцо, закивали. Щекастик был прав: Санта-Клаусу пора было лететь и выполнять свои рождественские обязанности. Ведь наступил канун Рождества – единственный день в году, когда веселого толстяка нельзя беспокоить по пустякам. Санта кивнул, встал и уже собирался уйти, когда кто-то легонько тронул его за щиколотку. Посмотрев вниз, он увидел Брокколи: тот стоял, задрал голову, и нервно поглаживал малыша по бархатистым чешуйкам.

– Санта, прошу, перед уходом придумай имя нашему рождественскому динозавру!

– Хм-м... Рождественский динозавр, значит... – задумался Санта.

И тут же его лицо расплылось в широкой веселой улыбке.

Рождественский динозавр! Вылупившийся из яйца, найденного во льду под снежными полями!

Санта откашлялся, призвал всех к порядку и самым торжественным и громким голосом объявил:

Мои прекрасные полярные друзья!
Хочу вас от души поздравить я,
Ведь перед нами чудо, без сомненья!
Вы посмотрите – просто загляденье!
Единственный, оставшийся на свете,
Наш динозавр – один на всей планете!

Эльфы слушали, и их крошечные глазки наполнились слезами. Санта редко говорил с ними так торжественно, но когда это случалось – до чего же хорошо у него это выходило!

Санта продолжал:

Ценю я ваши преданность и дружбу,
Ну и, конечно, непростую службу,
Что столько лет при мне несете вы.
Но эту ночь я буду помнить вечно —
Когда по вашей доброте сердечной
Возник малыш из вечной мерзлоты!
Как величать диковинного зверя,
В его существование поверя?..
Но хватит размышлять и сомневаться!

Пусть Снегозавром впредь он будет зваться!

Снегозавр издал довольный рык, а полярные эльфы начали ликовать. Они еще долго пели и плясали в компании нового питомца, а Санта тем временем развозил подарки по всему миру. Это Рождество навек сохранилось в их памяти.

Глава шестая

Волшебные летающие олени

Расти на Северном полюсе Снегозавру было очень весело. Ему нравилось смотреть, как белые медведи играют в настольный теннис, а лесные феечки ловят маленьких подводных насекомых (у фей они считаются деликатесом, а по вкусу похожи на чипсы). Он видел, как снеговики катаются на коньках, а моржи танцуют вальс.

Но больше всего времени Снегозавр проводил с Санта-Клаусом и эльфами, которые его нашли – Соней, Конопатым, Скороходом, Сладеной, Звездочеткой, Щекастиком, Снежком и Брокколи. Они стали для него настоящей семьей.

Снегозавр рос и креп, а эльфы и Санта о нем заботились. Каждый день они давали ему на обед сорок два мясных пирога, купали в слезах счастья, пролитых феечками (эти слезы отмывают любую грязь), выгуливали три раза в час – короче, делали то же самое, что твои мама с папой делали для тебя, когда ты был маленьким. Восемь эльфов и Санта заменили динозаврику родителей, и он полюбил их всем сердцем.

Санта и эльфы стали малышу прекрасной семьей, но порой ему бывало очень одиноко. Он чувствовал себя одиноким, потому что был не таким, как все. Дело в том, что других динозавров в мире не осталось. Эльфов вокруг было сколько угодно, полярных медведей тоже; моржей, китов, снеговиков и лесных феечек – не счесть. Но Снегозавр был одним-единственным, и от этого ему становилось очень грустно.

Когда Снегозавр грустил, подбодрить его могло только одно. В такие моменты он навещал своих самых любимых зверей в мире: волшебных летающих оленей Санты!

Волшебные летающие олени были самыми восхитительными созданиями на планете. Попробую-ка я вам их описать.

Представьте себе мягкие бархатистые рожки. А теперь вообразите рожки вдвое мягче и вдвое бархатистее!

Представьте темные выразительные глаза с мерцающими искорками – как ночное небо, усыпанное звездами.

Представьте существо с темно-коричневым мехом, увешанное звенящими маленькими колокольчиками...

И четыре сияющих золотых копытца, которые как будто светятся изнутри...

А теперь представьте, что это удивительное создание летит, поднявшись на десять метров над землей! Вот такой он, волшебный рождественский олень Санта-Клауса.

Снегозавру эти олени казались поистине восхитительными. Он часами наблюдал, как они летают кругами высоко над его головой. Дело в том, что у Снегозавра был один секрет...

Он мечтал научиться летать как они.

Снегозавру казалось, что если он научится летать как олени, то уже не будет таким непохожим на остальных живых существ, которые его окружают. Возможно, однажды его даже запрягут в сани Санта-Клауса!

Стоило этой идее поселиться у Снегозавра в голове, и никто на всем Северном полюсе уже не мог его отговорить. Везти сани Санта-Клауса в канун Рождества в одной упряжке с оленями стало целью всей его жизни, и ни о чем другом он больше думать не мог.

«Если уж олени умеют летать, то и я смогу!» – рассуждал наш динозавр про себя, если динозавры вообще могут рассуждать. Он поклялся, что не пожалеет никаких усилий, лишь бы оторвать свой чешуйчатый хвост от земли и воспарить под облаками в оленьей упряжке!

Поэтому Снегозавр начал есть то же, что и олени, и пить ту же воду. Он даже ночевать стал в оленюшне: надеялся, что волшебная способность к полетам каким-то образом передастся и ему.

Но всё оказалось не так-то просто. Видишь ли, олени летают не потому, что у них особая еда, питье или место для сна. Не при чем тут и их большие бархатистые рога и сверкающие золотом копыта. Всё дело в тайной магии – сильнейшем и древнейшем волшебстве на Земле.

Любой ребенок в мире слышал о летающих оленях Санта-Клауса. Миллионы детей, таких же, как ты, не просто думают, что олени Санты умеют летать – они *верят*, что летающие олени существуют, и ни капли в этом не сомневаются. А вера – самое сильное в мире волшебство. Вера – единственное магическое средство, благодаря которому становится возможным то, что раньше казалось невысказанным! То, что представлялось неосуществимым, сбывается! А уж если верит *ребенок*... Детская вера сметает все препятствия!

Вот если бы все дети в мире вдруг перестали верить в Санта-Клауса, летающих оленей и прочие чудеса, происходящие на Северном полюсе, все эти фантастические вещи тут же исчезли бы, как лопнувший мыльный пузырь! Вот почему верить так важно. Благодаря вере волшебство не умирает.

Надеюсь, теперь вам ясно, в чем дело? Ни один ребенок на Земле не знал, что на Северном полюсе живет динозавр. И ни один ребенок не верил, что динозавры умеют летать. Поэтому у Снегозавра ничего и не получалось.

Снегозавр мог сколько угодно разгоняться и подпрыгивать, но пока дети в него не поверили, ему было никак не взлететь.

* * *

Первого декабря Снегозавр в одиночестве гулял вокруг деревни эльфов и грустил. На Северном полюсе уже царила предрождественская суматоха. Вдалеке на заснеженном поле снеговики затеяли игру в снежки. Однако с такими маленькими лапками, как у Снегозавра, вылепить нормальный снежок не получалось. Эльфы поставили на ранчо Санта-Клауса громадную елку, но наряжать ее у динозавра тоже выходило плохо: он вечно цеплялся когтями и хвостом за мишуру. Он не умел плавать, как нарвалы, или красиво упаковывать подарки, как феечки. Наш динозавр действительно очень отличался от остальных обитателей Северного полюса и не находил себе среди них места.

Снегозавр издал глухой печальный рык. Он брел, оставляя в снегу длинные одинокие отпечатки когтистых лап и волоча за собой чешуйчатый хвост. Он смотрел вдаль, туда, где возвышались большие северные горы. Глядя на северное сияние, озарявшее небо зелено-синими бликами, он спрашивал себя: есть ли на свете кто-нибудь, хоть немного похожий на него? Есть ли на Земле хоть одно живое существо, которое понимает, что это значит – быть другим?

Снегозавр не знал, что в эту самую минуту далеко-далеко от Северного полюса один маленький мальчик смотрит на небо и думает о том же. Этот мальчик прекрасно знал, каково это – быть непохожим на всех.

Вы с этим мальчиком уже знакомы.

Ведь это был Уильям Трандл.

Глава седьмая

Кое-что об Уильяме

С тех пор, как мы встретились с Уильямом впервые, прошло уже три Рождества. И десятилетний Уильям был совсем не похож на беззаботного семилетнего мальчишку, каким мы его знали.

Но прежде чем продолжить эту историю, я должен сообщить вам кое-что об Уильяме. Видите ли, этот мальчик не может ходить. Он прикован к инвалидному креслу.

Неужели я вам раньше не сказал? Ну, простите!

В раннем детстве Уильям попал в ужасную, страшную аварию. В тот день он потерял маму и оказался в инвалидном кресле. Да, это был кошмар, и пережить его было непросто, но с тех пор прошло много лет.

И не считая своего сияющего ярко-красного кресла, сплошь облепленного наклейками с динозаврами, Уильям ничем не отличался от других детей. Как и все, он ходил в школу, любил смотреть телевизор, забывал делать домашние задания, а иногда даже ковырял в носу (что такого, все так делали!).

Другие дети в начальной школе Холли-Хит давно привыкли к тому, что Уильям ездит в инвалидном кресле, и не обращали на это внимания.

Но всё изменилось, когда появилась *новенькая*. Она переехала в дом напротив и с прошлого года стала учиться с ним в одном классе.

Тогда-то всё и перевернулось с ног на голову.

Ее звали Бренда Пейн.

Бренда была самой злой девчонкой во всей школе, а, возможно, и в мире. Жадная, крикливая задира, которая вечно всеми командовала и хотела быть в центре внимания. Самое досадное, что при этом у нее были прелестные золотистые локоны (локоны – это кудряшки, но не растрепанные, а идеально аккуратные) и невероятно ровные, ослепительно белые зубы. И хотя лет ей еще было мало, она красилась (а косметику воровала у девчонок постарше). Всё

это делало ее обманчиво привлекательной, но только внешне. Внутри она была настоящим чудовищем.

В первый день в школе Бренда вела себя нормально. Она смущенно и печально посмотрела на Уильяма. Этот взгляд был ему хорошо знаком. Так на него смотрели все, кто впервые замечал, что он в инвалидном кресле. Он много лет ловил на себе такие взгляды и отреагировал, как всегда: просто улыбнулся в ответ. Улыбка у Уильяма была ясная и уверенная; она сияла, как яркий фонарик, который лежит в глубине шкафа. Стоило ему улыбнуться, как смущение тут же исчезло с лица Бренды.

Но уже в обед всё пошло не так.

Вся школа нетерпеливо переминалась в очереди в столовой. На обед, как всегда, давали нечто, смутно напоминавшее курицу, обваленную в чем-то вроде сухарей, а к ней водянистые ломтики картофеля и непременно ложку какого-то зеленого месива.

Школьная столовая представляла собой большой зал с буфетом вдоль одной стены и десятками столов и стульев, расставленных на вечно липком полу. За порядком в столовой должен был следить Старый Хрыч (так все называли школьного сторожа), но обычно он похрапывал в углу, положив ноги на перевернутое ведро, придерживая рукой термос с остывшим чаем и отключив слуховой аппарат.

Обеденное время принадлежало детям!

И это было настоящим кошмаром для того, кто не уверен в себе.

О, эти взгляды.

О, эти перешептывания!

О, этот храп (Старый Хрыч ужасно храпел).

В столовой все только и делали, что сплетничали, и Бренде Пейн можно было только посочувствовать. Она стояла в очереди прямо перед Уильямом. И нервничала. Она протянула поднос поварихам, и те плюхнули на пластиковую тарелку какую-то жижу. Уильям сделал то же самое, получил свой обед, но развернув кресло, чтобы подъехать к столику с ложками и вилками, он вдруг почувствовал, что наехал на что-то колесом и услышал жуткий звук.

ХРРРРРЯССЬ!

– Ай! Моя нога! – пронзительно вскрикнула Бренда и подскочила от боли. А ее поднос с несъедобным обедом взлетел в воздух.

На мгновение всё застыло перед глазами, как в замедленной съемке: взметнувшаяся вверх курица, зеленая масса, бледный размякший картофель. В это мгновение Уильям успел посмотреть Бренде в глаза и понял: у него только что появился враг.

БА-БАХ!
ПЛЮХ!
Бум!

Новенькая стояла посреди столовой, с головы до ног перепачканная остатками своего обеда. И все на нее смотрели.

А потом начали оглушительно хохотать. Дети показывали на Бренду пальцами и смеялись. Тут и там вспыхивали камеры мобильных телефонов, и это означало, что новости с хештегом *#новенькая_облажалась* в ту же секунду разлетелись по всему свету. Даже Грегори Гафф, который до сих пор писался в штаны, сегодня описался, потому что смеялся над Брендой!

Но тут Бренда удивила всех.

Она не заплакала.

Не бросилась к выходу.

Она стояла абсолютно молча, неподвижно и не сводила с Уильяма глаз.

– О боже, прости! Я случайно! Я тебя не заметил, – извинялся Уильям, но из-за хохота его почти не было слышно.

Бренда по-прежнему молчала. Кажется, она чего-то ждала. Потом, когда смех постепенно стих, она медленно подняла руку и сняла с головы перевернутую пластиковую тарелку, вытерла лицо, измазанное в зеленом вареве, и стряхнула ошметки на поднос.

А потом подняла руку вверх, как дирижер оркестра. В столовой воцарилась напряженная тишина. Уильям не помнил, чтобы здесь когда-нибудь было так тихо.

– Меня зовут Бренда Пейн, – проговорила она, обращаясь ко всем ученикам. Кусочек курицы соскользнул с ее плеча и упал на пол.

Никто не засмеялся.

– Я новенькая.

И с этими словами она размахнулась и... запустила Уильяму в лицо тарелку с зеленой жижей!

Удар был таким сильным, что инвалидное кресло покатилося назад, выехало через запасной выход и оказалось на парковке. Оно остановилось лишь на парковке для учителей. И тут откуда ни возьмись вдруг появился полицейский и оштрафовал Уильяма за то, что он остановился в неположенном месте.

– У кого-нибудь есть ко мне вопросы? – спросила Бренда. Но теперь все боялись даже смотреть ей в глаза. Тогда она взяла поднос, подошла к буфету, зачерпнула новую порцию зеленой жижи и села в самом центре зала. А потом начала есть.

Так Бренда Пейн стала в школе главной.

Глава восьмая Уильям на колесах

С того дня для Уильяма всё изменилось.

Это происходило постепенно и проявлялось в мелочах. Сначала он заметил, что его друзья больше не предлагают ему помощь, чтобы подняться по пандусу на школьное крыльцо. Когда Уильям ронял карандаш и тот откатывался далеко, никто не помогал его поднять. Шли недели, и вот уже никто не садился с ним за один стол в столовой; к какому бы столику он ни подъезжал, ребята торопились закончить обед, и ему приходилось есть унылую школьную еду в одиночестве. Вот так незаметно он стал изгоем. Одним из тех, с кем никто не разговаривает. Уродом на коляске. И виновата в этом была Бренда.

Можете себе представить, как это огорчало Уильяма... Ведь раньше все его любили, а теперь *нормальные* дети – те, у кого были *нормальные* ноги – обзывали его калекой или «Уильямом на колесах». А одной очень противной девочке – Бренде Пейн, кому же еще – даже этих издевательств показалось мало, и она сочинила песенку:

Уильям на колесах бегать не умеет!
Уильям на колесах – к креслу он приклеен!
В мячик не играет,
С нами не гуляет.
Уильям на колесах мимо проезжает!

Уильям на колесах, мы с тобой
не дружим!
Без тебя, калека, мы живем – не тужим!
Лазаем на дерево,
Прыгаем в скакалку!

Лучше к нам не подходи – в тебя мы
бросим палку!

Уильям на колесах – в кресле он сидит.
На нем везде катается, ест он в нем и спит.
Прыгать он не может,
Не может даже встать,
Даже карандашик не может он поднять!

Вскоре злока Бренда заразила своей злостью всю школу – как будто это была болезнь, превратившая всех ребят в зомби! Все теперь презирали Уильяма. Угрозами и запугиванием Бренда создала армию уильямоненавистников. Его прежние друзья теперь относились к нему так, будто ему больше не было места среди них. Как будто от него плохо пахло.

Бренда была непохожа на большинство задир. Обычно те, кто обижает слабых, глупы, весь ум у них в кулаках. Но Бренда Пейн была не такой. Красивая и умная, она использовала свои преимущества, чтобы добиться всего, чего хотела. Бренда не могла похвастаться физической силой – любой из ребят при желании мог бы ее победить. Но было в ней что-то такое, отчего всякое желание связываться с ней тут же пропадало. Чтобы запугать и подчинить себе остальных, ей не нужно было ни драться, ни воровать (хотя она частенько делала и то, и другое): Бренда умела добиваться своего одним только взглядом. От этого взгляда у Уильяма по спине бежали мурашки и он чувствовал себя жалким неудачником.

С того дня, как он случайно наехал ей на ногу, Бренда словно поставила себе цель – превратить его жизнь в ад. В классе она подкрадывалась к нему сзади и втыкала булавки в колеса его инвалидного кресла.

С наступлением морозов она стала приходить в школу на час раньше и обливала пандус водой. К тому времени, когда Уильям приезжал на занятия, пандус покрывался коркой льда, и он никак не мог въехать наверх. Учителям приходилось поднимать его по лестнице.

Это было очень унижительно!

Но главным оружием Бренды было ее умение швыряться всем, что под руку подвернется. Еще в первый день, когда прямо в лицо ему прилетела тарелка с зеленой жижей, Уильям смог оценить меткость Бренды. Она попадала в цель с любого расстояния, как профессиональная метательница копий. Например, она могла швырнуть палку через всё футбольное поле и попасть точно между спицами колеса. Кресло резко тормозило... а Уильям нет! Инерция продолжала толкать его вперед; он вываливался из кресла, падал на землю, проезжался по траве, а армия приспешников Бренды смеялась над ним. Армия Бренды – так их теперь называл Уильям. Его бывшие друзья.

Когда это случилось в пятый раз, Уильям прикрепил к сиденью ремень безопасности, чтобы хотя бы не вываливаться из кресла.

Раньше по утрам он с радостью вставал, садился в кресло и ехал в школу. Но те дни остались в прошлом. Теперь он просыпался, смотрел на свое кресло и печально вздыхал. А потом думал: какую гадость Бренда припасла на сегодня?

Но самую крупную пакость она устроила однажды в пятницу, в начале декабря. В тот самый день, когда Снегозавр на Северном полюсе захандрил и печально смотрел на небо, с которого валил снег.

В тот день Бренда не стала бросать в Уильяма палки и протыкать колеса булавками. Она использовала более мощное оружие.

Слова.

Бренда не упускала ни одной возможности превратить жизнь Уильяма в кошмар, и как только мистер Дриблпот вышел на минутку из класса, в Уильяма тут же полетел новенький черный степлер. Он попытался закрыться тетрадкой, но бросок был таким сильным, что тетрадка ударила его в лицо, а степлер прибил ее прямо к его лбу!

В классе как будто разорвалась смеховая бомба.

И тогда Уильям почувствовал, что происходит нечто ужасное.

Случилось то, чего он боялся больше всего.

Он заплакал. И ничего не мог с этим поделать...

– Ты что, плачешь? – на лице Бренды появилась широкая зловещая усмешка.

– Нет! – соврал Уильям, вытер слезы и вынул скрепку из лба.

– Нет, плачешь, плачешь! Смотрите, Уильям на колесах расквасился! Плакса-вакса! – закричала Бренда, и все начали смеяться еще громче. Не потому, что это казалось им смешным, а потому что они боялись Бренду.

– Плак-са, плак-са, – распевала Бренда. – Беги, поплачься мамочке!

И тут в классе вдруг наступила тишина. По рядам пробежал шепоток. «Бренда не знает», – говорили дети.

– Чего не знаю? – резко спросила она.

– У него нет мамы, – сказал Фредди, самый высокий мальчик в классе, сидевший на последней парте.

– Нет мамы? – переспросила Бренда.

– Он с папой живет, – выкрикнула Лола, одна из тех, кто раньше дружил с Уильямом.

Бренда минутку помолчала, а потом улыбнулась еще шире.

– Что ж, жаль твоего папашу, – проговорила она, накручивая прядь своих прекрасных волос на карандаш. – Можете себе представить, каково это – жить с Уильямом на колесах? Это еще хуже, чем учиться с ним в одном классе и видеть его каждый день! А твой бедный папочка должен еще везде тебя возить. Он наверняка считает тебя жуткой обузой! Я бы на твоём месте умерла от стыда. Слава богу, у меня-то всё в порядке!

Уильям прикусил губу, сдерживая ужасные слова, готовые сорваться с языка. Он знал, что если откроет рот, то снова заплачет, только и всего.

– Неудивительно, что у твоего папочки такой несчастный вид! Это же тот чокнутый, который весь год ходит в рождественских свитерах? Он, небось, до сих пор в Санта-Клауса верит, как ребенок? Разве кто-нибудь согласится за него выйти? Рождественский свитер и мальчик на колесах!

Произнеся эти ужасные слова, Бренда потянулась и картинно зевнула.

Ошеломленное молчание нарушил лишь мистер Дриблпот, вернувшийся в класс.

* * *

Уроки закончились, прозвенел звонок и настало время возвращаться домой. Но слова Бренды всё еще звенели в голове Уильяма, и он ничего не мог с этим поделать. За школьными воротами стояли родители – папы и мамы с улыбками встречали детей, бежавших к ним с детской площадки.

А потом Уильям увидел своего папу.

Своего несчастного усталого папу.

Мистер Трандл стоял один, в стороне. На нем был его любимый рождественский свитер (он сам его связал). Остальные родители стояли все вместе и разговаривали. Подъехав ближе, Уильям услышал обрывки фраз:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.